

Он проснулся в спальне Одина, к коже ластились шелковые простыни, такие гладкие, что он решил было, будто бы опять блуждает по нитям... но потом он вспомнил.

Он вспомнил и застонал, и спрятал лицо в ладонях, стараясь успокоить трясущиеся плечи.

Прошло несколько месяцев с тех пор, как он проснулся от последней нити, дрожащий и с заледеневшими пальцами, с покрасневшим от стыда лицом вспоминая о нежных прикосновениях смертного, который ненавидел его, о до ужаса смущающем утешении, подаренном ему, когда он кричал, когда оплакивал свою юность. А Старк удерживал его.

И - ох! - как же сейчас ему хотелось закричать.

В отличие от других прядей, которые он видел только мельком, как видения, эта нить длилась дольше, и даже после, в тот самый миг, когда Старк резанул Локи до самой сути, проник в его тайны и вытащил их на свет, Локи увидел то, что должно было возникнуть в прядях, что никогда не были сотканы, а оставлены сырыми и незаконченными, брошенными.

И перед тем, как проснуться, Локи увидел намеки на то, что плелось там дальше - короткие, торопливые образы. Фригга, должно быть, знала, что у нее не хватит времени, чтобы показать ему эти пряди судьбы, поэтому она оставила намеки. Привкус, который ранил и дразнил, и мучил бога. Кто-то провел много времени, сплетая те узоры, надеясь и молясь Судьбам направить его путь по тому гобелену; направить его в руки и под защиту того странного смертного.

Локи из последней нити был полностью сломлен; его душа раскололась на такие крошечные кусочки, что Локи и не знал, можно ли их вообще собрать. А Старк тогда сказал другой его личности, словно самую незатейливую истину в мире, что однажды кто-то обнимет его так крепко, что все эти сломанные части вновь соберутся вместе. Затем смертный рассмеялся и пожал плечами, отмахнувшись от этого, как от чего-то сентиментального - глупое, дурацкое мнение, которое однажды озвучила его мать.

Но Локи помнил.

Там были мгновения спокойствия, ярости, принятия и любви. Так много любви. И Локи видел все это как узоры на обратной стороне век, видел воспоминания и мгновения, и надежды, и сны, которые превратились в ничто, когда тем утром он опять проснулся в своей камере в Асгарде. И в те мимолетные безумные мгновения Старк начинал подталкивать эти кусочки навстречу друг другу, и Локи сгорал от ревности к самому себе, завидующий и злорадствующий привязанности еще одной версии себя - он лишь образ сплетений Фригги, которые на самом деле никогда не будут существовать, которых он никогда не изведает, никогда не увидит...

Фригга умерла под самый полдень.

И после этого ночами Локи правили тьма и ужас, пропитывая его муками и криками, и невероятным количеством боли. Поначалу Локи плакал и кричал, и умолял Фриггу вернуть ему видения, проклинал ее за то, что она забрала эту пытку, забрала возможность видеть в полуснах этого странного смертного, проклинал так же сильно, как когда-то стремился к передышке от ночных кошмаров, к дару, который, как он думал, она вырвала у него словно сухую повязку сорвала с зияющей раны, и теперь... Теперь прямо на полу своего рассудка он истекал ярко-красной кровью, а в следах от игл внутри его разума гноились ядовитые темные пятна.

И хоть бы кто-нибудь прибежал за чем-то иным, кроме насмешек, когда бывший принц кричал от своих еженощных страхов, когда он кричал и метался, и падал на пол своей камеры, скрученный и окровавленный, и испуганный, вспоминающий все, что произошло, вспоминающий все, что в красочных желтых и голубых цветах сделал Иной, что он разрушил и ранил, и перекрутил, и сломал, сломал, сломал.

И потом, когда наконец прибыл вестник, чтобы проинформировать Локи, что Фригга умерла при нападении на подземелья, что его сны прекратились потому что... Ярость бога не знала предела. Он уничтожил все, до чего смог добраться, каждый предмет мебели и книги, и свои вещи, которые она тайком пронесла в его маленький уголок Асгарда, каждую написанную записку и звук, который напоминал богу опрокинутую чернильницу, напоминал своим кап-кап-кап стук ее каблуков по каменной кладке - все, что напоминало о ее доброте даже тогда, когда с тщательно взвешенной щепоткой безразличия к его тоске она отказалась признать его закрашенное гневом горе.

В дверь спальни постучали, и Локи позволил иллюзии облачить свое тело, превращая его во Всеотца.

Прошло уже почти три месяца с тех пор, как Локи спрятал тело Всеотца, глубоко запертого во сне Одина, и отправил Тора в Мидгард с его не-благословением.

В мир, в котором жил Старк.

Но Локи не будет об этом раздумывать, не сегодня.

Сегодня из Альфхейма и Ванахейма прибудет делегация, чтобы обсудить стабилизацию Девяти Миров и теперь, когда Всеотец показал, что не способен защитить Асгард в одиночку, начать переговоры по возвращению украденных реликвий.

А завтра Один поприветствует делегацию из Ётунхейма, чтобы принять верноподданство их нового короля, и в ответ принесет свои собственные обещания, что его заблудшие сыновья, которые действовали в безумном стремлении уничтожить ледяной мир, ответили за это в полной мере.

Локи в облике Одина поднялся с кровати, когда один слуга вошел, чтобы растопить пламя, а остальные - чтобы искупать Всеотца. Первые несколько недель под этой внешностью были

тяжелыми - Локи не мог стерпеть прикосновения других и должен был заставлять себя держаться спокойно, пока слуги одевали его, купали, прикасались к нему такими же аккуратными движениями, к которыми Локи привык, пока рос, но слишком давно перестал их ожидать. Не тогда, когда Локи было не многим больше пяти столетий, и слуги помогали ему мыться или переодеваться, а с тех пор, как развился его сейд вместе со склонностью трикстера скрывать змей в воде или в одежде, чтобы напугать тех слуг, которые не любезно высказывались о способностях младшего принца.

Облик Одина скрывал шрамы Локи - уродливые бледные полосы, размечающие его плоть, гладкие на ощупь, но такие, что никакой сейд не смог их удалить. По ночам Локи поглаживал линии, которые пересекали и его грудь, и бедра, и руки, ощущая только гладкую поверхность на своей коже - доказательство того, что ночные кошмары были реальностью. Что он выжил, даже если никто об этом не знал, даже если никто его не видел. Даже если Тор и Фригга до самого конца верили, что он монстр.

Но теперь "Всеотцу" снились кошмары, и у Локи не было никакой передышки, чтобы успокоиться, когда он просыпался от снов о смерти Фригги.

Люди тревожились. Их царь казался сломленным мужчиной, более сломленным, чем мог бы быть, как знал Локи, настоящий Один. В первую очередь Один был воином - больше, чем все остальное; какое-то время он бы скорбел, а потом двинулся бы дальше. На самом деле теперь, когда в Асгарде умер их самый старый договор, делегация из Ванахейма привезла с собой несколько жен для того, чтобы Один их посмотрел.

Локи сдержал гримасу, когда подошел еще один слуга, чтобы подготовить его купальню.

Ужасно было узнать, что Фригга, что его мать, была очередным трофеем, увезенным из ее царства. Он гадал, знал ли Тор о том, что его мать украли, спрятали по прихоти Всеотца.

- Ваш сон был тревожным, Всеотец? - прозвенел оживленный голос.

Локи проворчал, покачав головой в ответ на вопрос Сорина, самого старого советника Всеотца и секретаря еще с тех времен, когда наложенные на голову Мимира чары наконец развеялись.

- Что ж, я доволен, - продолжил поджарый как гончая мужчина. - Тогда, быть может, после хорошего ночного отдыха вы будете более расположены поразмыслить над предложением от Ванахейма? Они с нетерпением ожидают, что вы выберете себе пару.

- Нет, не буду, - ответил Локи, идеально подражая тону Одина. - Будь любезен, передай им, что я скорблю по своей покойной жене.

Мысль о том, что ему придется завести любовницу в облике мужчины, которого Локи называл отцом, которого в равной степени и любил, и ненавидел, заставила его желудок скрутиться.

Мужчина тактично кашлянул:

- Я понимаю. Но народ нервничает, поскольку наследник покинул Асгард, а второй сын оказался предателем и умер. А без других порядок наследования Асгарда представляется остальным мирам неустойчивым.

Локи догадывался, что это были не просто какие-то “остальные миры”. Это был Свартальфахейм, как обычно, ищущий повод, чтобы доставить другим неприятности, особенно теперь, когда великий царь Асгарда был атакован внутри самих стен Асгарда.

- К тому времени Тор вернется, - уверенным тоном Одина ответил Локи. - Я стар, Сорин, но не настолько.

- Да, Всеотец.

С тех пор, как Локи принял облик Одина, Тор только раз вернулся в Асгард, и разубедить его оставаться тут было чересчур просто. Несколько аккуратных толчков, и он опять отбыл, счастливый тем, что вместе со своей смертной, Джейн, скоротает время в Мидгарде.

Это было отвратительно и покорило бы Локи, если бы он уже не был таким ужасно ревнивым.

<http://tl.rulate.ru/book/73541/2054818>